

Леонид Фишман

ЗА ПРОЕКТ ОБИДНО

Мартьянов В. С. *Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире.* — М.: РОССПЭН, 2010. — 359 с.

Читая «Политический проект Модерна», трудно отделаться от впечатления, что перед тобой нечто вроде «Истории упадка и крушения Римской империи» Гиббона, — если, конечно, «Римскую империю» заменить на «Модерн». Как бы то ни было, картина, нарисованная автором, впечатляет и наводит на размышления.

Что такое «Модерн» сейчас вряд ли кто-то может сказать со стопроцентной уверенностью. Собственно, с этого и начинается представляемая работа В. С. Мартьянова, который с удивлением отмечает, что, как ни парадоксально, целостной политической концепции Модерна до сих пор нет. Термин «Модерн» используется широко, однако только вследствие сложившегося негласного консенсуса, рассчитанного на интуитивное понимание того, что есть Модерн и Современность (с. 11).

Тем не менее «Модерн» остается ключевым понятием, фоном для осмысления процессов, происходящих в Современности, даже если считать, как постмодернисты, что его эпоха завершилась.

Проблема, возникающая перед автором, такова: Современность и Модерн — это, в сущности, территория и карта, которые часто путают друг с другом и которые друг без друга не имеют смысла. Есть Современность «как таковая» в своем гуманитарном и ценностном аспекте. И в нее включается перечень всего того, что отличает современные общества от «традиционных»: тут и наука, и технический прогресс, и высокая социальная динамика, и индивидуализм, и секуляризация, и т. д. Это общий знаменатель современности для народов всего мира. К этому знаменателю страны подходят не одновременно. Одни, такие как Европа, давно живут в Современности, другие, такие как Китай и Индия, вступили туда относительно недавно, третьи скорее всего и не вступят туда в обозримом будущем.

Проблема в том, что *такой* исчерпывающей гуманитарными и ценностными аспектами Современности не было нигде, в том числе в Европе — и прежде всего в Европе. Переход от аграрного общества к индустриально-ур-

банистическому, от «общины» к «обществу» с возрастанием индивидуальной автономии, а также другие явления Современности происходили под активным воздействием капитализма (с. 15). Капитализм же сам по себе в гуманитарно-ценностной сфере является следствием того, что можно назвать «моральным коллапсом» — резким отступлением от норм традиционной для обществ Запада (и не только) морали, имеющей религиозные корни.

Именно на этом фоне столкновения западных обществ с «моральным коллапсом» капитализма и возникает проблематика Модерна. Требуется не только адекватно описать Современность, существующую под знаком «морального коллапса», но и оправдать ее право на жизнь перед лицом Старого порядка, а также найти способы социальной компенсации капитализма, которые бы смягчили воздействие этого фонового коллапса. Фактически речь идет о создании новой общественной морали, призванной если не примирить, то хотя бы сгладить противоречие законов капитализма и разрушения религии как привычного для традиционного общества источника морали. В более же радикальных вариантах и вовсе подразумевается не только реформирование капитализма, но и замена его другим, более эгалитарным и справедливым образом жизни, более соответствующим потребностям того человека, который порожден Современностью.

Таким образом, Модерн возникает как сложный комплекс философских и научных теорий, идеологий и утопий, которые призваны, во-первых, объяснить Современность, во-вторых, легитимировать ее, в-третьих, направлять ход ее развития. Модерн — не сама Современность, а то, что придает Современности смысл и перспективу — ее политический проект.

При этом существует множество теоретических и идеологических легитимаций Современности, одни из которых явно доминируют в Современности и считаются ее эталонами, а другим повезло гораздо меньше. На сегодняшний момент доминируют такие описания Современности, согласно которым актуальный Модерн есть прежде всего демократия, капитализм и общество потребления. Это понимание Модерна считается самым адекватным по той причине, что данные варианты социальных, экономических и политических институтов Современности, как кажется, наиболее успешны в сравнении с остальными, когда-то также претендовавшими на победу. Почему так получилось?

В своем объяснении В. С. Мартьянов интерпретирует Валлерстайна, который осмысливает политический проект Модерна как либерально-консервативный консенсус. Сутью этого консенсуса была постепенная интеграция «опасных классов» в политическую, социальную и экономическую системы, возникшие в рамках капиталистического общества и сформированные в условиях идеологической гегемонии буржуазии. «Опасные классы» постепенно получали всю полноту политических прав, социальные гарантии, доступ к культуре и т. д.; за это они отказывались от немедленной ломки буржуазного порядка в отдельно взятых странах и в рамках капиталистической миросистемы в целом. Так сложившийся идеологический консенсус стал фактически либерально-консервативно-социалистическим, причем

грань между либерализмом и социализмом истончилась почти до полного исчезновения. Государство стало «социальным». Протест разного рода меньшинств, страдавших от многочисленных культурных ограничений, все еще имевших место в рамках либерально-демократического консенсуса, также увенчался частичным успехом. Итогом такого развития в рамках капитализма стали демократия и общество потребления, получившие поддержку большинства населения. Демократия и общество потребления стали восприниматься как реализованная утопия, точнее — как в целом реализованный проект Модерна.

Однако именно в тот момент, когда демократия, капитализм и общество потребления как ценности восторжествовали в глобальном масштабе, обнаружилось, что они теряют идеологическую легитимность. Оказалось, что собственно политический проект Модерна всегда был шире, чем капитализм, демократия и общество потребления. Этот проект был избыточным по отношению к наличной версии Современности. Более того, именно избыточность, утопическая устремленность в будущее оправдывали его когда-то в глазах миллиардов. Модерн нуждался в «интеллектуальном наркотики» в виде утопической перспективы на будущее. Она заменяла ему утраченную в процессе секуляризации трансценденцию, да, собственно, и сами идеологии и утопии Модерна были секулярными религиями, оправдывавшими как наличную Современность, так и ее возможные изменения в будущем. И это оправдание начало исчезать, когда политический проект Модерна попытались редуцировать исключительно к наличной версии Современности. В результате единственным слабым заменителем трансценденции стала «воля народа», а заменителем необходимой утопии — демократия. Демократия, правда, была уже в общем и целом достигнута, но единственным выходом стала симуляция ее постоянного достижения. Общим местом стало утверждение, что демократия достигнута не полностью и потому нуждается в постоянном совершенствовании, перманентном «гражданском ремонте».

В это же время из политической жизни Запада исчезли политические субъекты, подобные классам, которые имели явно выраженные интересы и которые свое видение настоящего и будущего артикулировали посредством классических современных идеологий и утопий. Исчезновение классов и замена их аморфными «группами населения» были названы «имплозией масс»; отрыв идеологий и утопий от реальных референтов (которыми и были эти исчезнувшие классы) повлек за собой замену великих нарративов «симулякрами» — многочисленными политическими дискурсами с приставками *нео-* и *пост-*. Так наступило «состояние постмодерна», которым имплозированные массы Запада в целом довольны, и иного они не хотят (с. 40–41), а политические элиты управляют ими с помощью отрицающей всякую трансценденцию риторики «здравого смысла», нацеленной на сохранение статус-кво (с. 231–233).

На периферии и полупериферии капиталистической миросистемы (КМС) дело обстоит иначе. Там проект Модерна не реализован даже и в таком усеченном виде — в облике демократии и общества потребления. И не может

быть реализован по ряду причин экономического плана. Прежде всего, потому, что КМС устроена таким образом, что периферия никогда не догонит центр, перераспределяющий поток капиталов в свою пользу. Более того, на периферии Модерн, Запад и капитализм суть одно и то же. Пока на самом Западе Модерн не сводился к капитализму, демократии и обществу потребления, пока у него была еще подлинная утопическая перспектива, то и на периферии КМС было позволительно надеяться, что рано или поздно капиталистическая миросистема сменится другой, более эгалитарной и справедливой. Тогда и гуманитарные, и экономические блага Модерна будут доступны всему миру. Однако, как только в качестве реализованной утопии было рекомендовано наличное состояние вещей на самом Западе, политический проект Модерна потерял легитимность. Если КМС и есть утопия и если КМС остается неизменной, то утопия для всех, кроме Запада, недостижима, ибо природа капитализма это исключает в принципе. Кроме того, западная утопия демократии и общества потребления просто живет *за счет* остального мира, а это уже совсем неприемлемо с моральной точки зрения. Последние попытки симулировать легитимирующие метанарративы Модерна — теории транзита и постиндустриального или «информационного» общества — не имели успеха. В книге подробно показано, почему транзитология потерпела крушение еще в прошлом веке (с. 43–59), а теория постиндустриального общества — в начале нынешнего (с. 259–284).

Положение усугубилось тем, что по мере кризиса «надводной» части проекта Модерна начала показываться на поверхности его «проклятая сторона». Новую привлекательность обрели те интеллектуально-политические стратегии и легитимирующие их ценности, которые ранее в рамках проекта Модерна отвергались и от которых сознательно отталкивались в силу их принципиального антиуниверсализма. Прежде всего это так называемый цивилизационный подход к объяснению истории с его поисками культурной идентичности. На поверхности он выглядит вполне академичным, но в области практики подразумевает молчаливую капитуляцию перед различными видами национализма, расизма и религиозного фундаментализма — как неотъемлемых условий выживания любезной сердцу того или иного автора социокультурной общности (с. 59–69). К оборотной же стороне Модерна относится, казалось бы, просвещенческий, по исходным установкам, мультикультурализм, который в действительности есть то же самое отрицание универсальных общечеловеческих ценностей в пользу частных (с. 255–256).

Характерно, что все эти и подобные им политико-интеллектуальные стратегии находят массу сторонников как в центре, так и на периферии КМС. Автор, в частности, отводит много места тому, как кризис Модерна и его оборотная сторона выглядят в России. Россия, попытавшись в советский период, стать центром альтернативной миросистемы, вернулась в КМС. Ее элиты в качестве политической утопии выбрали ту же демократию (только «суверенную»), то же общество потребления (даже «гиперпотребления» в терминологии автора, с. 198.) — только уровнем ниже, и те же апелляции

к здравому смыслу на уровне официальной идеологии, а на уровне ее официального оппонента — «проклятую сторону» Модерна в виде возобновления старинного соперничества западничества и почвенничества. И даже «вынужденная постиндустриальность» (с. 275) у нас есть, только за счет вытеснения промышленного производства не наукоемким, а сырьевым производством. Словом, у нас все то же самое, только со скидкой на полупериферийное положение. И изменить это положение Россия может, только меняя миросистему целиком, предлагая глобальные решения. Что подразумевает отказ от национальной и цивилизационной парадигмы в пользу миросистемной (с. 330). В этом смысле никакого «особого пути» у России нет и не может быть.

На протяжении всего исследования Мартьянов рисует картину зашедшего в тупик мира — мира, утратившего ориентиры развития, несправедливого и неэгалитарного. Проект Модерна, промежуточным результатом которого стала капиталистическая (либерально-демократическая) Современность, теперь находится в стадии саморазрушения, поедает свой хвост как мифический Уроборос (с. 300). Без направляющего утопического глобального проекта этот мир, повинуясь логике капитализма и общества потребления, обречен идти по пути национальных, религиозных и политических размежеваний, экономических кризисов, социальных и экологических катастроф, от которых его не спасет даже демократия.

Но этот тупик — временный. Автор вовсе не является законченным пессимистом. Для него нынешнее торжество «проклятой стороны Модерна» — «время перехода... ожидания новой нормы, которая абсолютно точно не будет связана с интеллектуально паразитирующим на идейном проекте Модерна течением постмодернизма» (с. 197). Путь к социальным изменениям не закрыт, и легитимировать его может как «моральное неприятие настоящего, связанное с обнаружением того факта, что его базовые ценности являются продолжением чьих-то неуниверсальных интересов и дискриминацией других», так и «образы будущего, новые утопии» (с. 237). Общественная мораль будущего подразумевает «моральный переворот в умах тех, кто устанавливает нормы», «осознание того, что счастье одних людей, классов, народов, регионов мира априори не может быть связано с несчастьем других, обделенных „куском пирога“» (с. 299). Эта мораль, таким образом, должна строиться не на воспроизводстве каких-либо исторических канонов и не на апелляции к традиции, а на почти кантовской «трансценденции партикулярных социальных позиций, которые *могут быть* универсальны „здесь и сейчас“ (с. 250).

Автор не дает четко выраженных глобальных рецептов. Тем не менее в тексте обильно рассыпаны высказывания, по которым можно сделать выводы относительно его предпочтений. Например, он предлагает отказ от общества потребления в пользу формирования ценностей новой аскезы. Эта альтернатива обществу потребления предполагает актуализацию в обществе нематериальных ценностей, отказ от навязанных потребностей и пересмотр самих принципов абсолютизации экономического роста

в пользу стратегии решения долговременных задач (с. 215). «Аксиологический поворот», ведущий за пределы КМС, согласно автору, предполагает понимание справедливости не как банальное перераспределение пирога, но как расширение возможностей для всех. Протест против несправедливости связывается с отрицанием положения, когда «достигнутые материально-технические возможности, способные принести пользу и улучшить условия жизни многих... в силу не имеющих оправдания причин», остаются «привилегиями элит» (с. 318). Ветшающая система национальных государств, как доминирующих политических форм Модерна, в перспективе должна уступить место новым формам политической организации мира. Возможно, промежуточной стадией движения к новому мироустройству станет формирование «мироимперий», например, по примеру ЕС. И Россия, скажем, может инициировать аналогичный проект на пространстве СНГ. Модерн может преодолеть свой нынешний кризис — но только в том случае, если в его рамках будет найдено решение задачи: каким образом перейти от наличной мироэкономики к мирополитике, меняющей эту мироэкономику к благу всего человечества (с. 346–347).

Но прежде всего Мартьянов хотел бы спасти от дискредитации и распада политический проект Модерна, защитить его от его же собственной «проклятой стороны», обнаружить для него новый источник трансценденции. За этим стремлением выстраивается образ космополитической эгалитарной утопии — утопии «чистого Модерна» — исключительно гуманитарного, антропологического проекта, свободного от навязанного ему современностью отождествления с капитализмом, обществом потребления, демократией и, в конечном счете, с Западом.